

**Современница А.С. Пушкина и В.Л. Пушкина Маргарита Михайловна Тучкова
(игуменья Мария)**

Е.В. Семенищева,

*зав. научно-экспозиционным и
выставочным отделом*

*Государственного Бородинского военно-
исторического музея-заповедника*

Маргарита Михайловна Тучков, урожденная Нарышкина, и Александр Сергеевич Пушкин, хотя и относились к разным поколениям (разница в возрасте составляла 19 лет), все ж были современниками. И она, и он в свое время проживали в Басманной части Москвы. В ранний светский период жизни Тучковой Пушкин был младенцем, отроком. Да и позже они, если и не встречались, то могли слышать друг о друге. Круг их общения был общим, да и мир тогда был гораздо теснее, чем ныне.

Имя же дяди великого поэта и его первого литературного наставника, Василия Львовича Пушкина, неожиданного встречается в исторических скрижалях начала XIX века рядом с дорогим для Маргариты Михайловны именем – А.А. Тучкова.

Итак. Весной 1803 года в Париж из России прибыли два дворянина, которые может быть были малознакомы, или вообще не знакомы прежде. Но причины, заставившие их покинуть Первопрестольную, были некоторым образом схожи, о чем ниже и пойдет речь. Дворян звали Василий Львович Пушкин и Александр Алексеевич Тучков.

Жизнь в столице Франции, что называется, бурлила, все ярче разгоралась звезда Наполеона Бонапарта, первого консула и вскоре императора французов. В газете «Moniteur» от 6 сентября 1803 г. сообщается, что на аудиенции 17 фруктидора 11 года (4 сентября 1803) среди представленных Бонапарту поверенным в делах России Убри были князь Лопухин, министр Государственного совета Его Величества императора России и кавалер его орденов; г-н Тучков, полковник артиллерии; г-н Пушкин, подполковник...¹

¹ Е.П.Гречаная. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797-1825) -, М., 2002

Если, Тучков оставил службу в 1-м артиллерийском батальоне полковником практически накануне поездки, 31 декабря 1802 года, то Василий Львович вышел в отставку из лейб-гвардии Измайловского полка поручиком. Чин гвардейского поручика, соответствовал чину капитана армии, а гражданский чин коллежского асессора, который он в то время имел, чину майора пехоты. Однако, представлен был подполковником.

Сам Василий Львович в письме к Н.М. Карамзину от 12 сентября 1803 года писал: «Мы были в Сен-Клу представлены Первому консулу. Физиономия его приятна, глаза полны огня и ума; он говорит складно и вежлив. Аудиенция продолжалась около получаса. Там в большой зале стоит картина, изображающая Феду с Ипполитом... Нас представляли также и госпоже Бонапарте, которая принимает всех с величайшей любезностью».²

Увы, не сохранилось письменных свидетельств Тучкова об этом событии. Но оно должно было произвести на него неизгладимое впечатление. И вот почему: друг Тучкова Сергей Николаевич Глинка много лет спустя вспоминал об их совместной юности: «С отплытия Наполеона к берегам Египта мы летели мыслию вслед подвигов юного и нового Александра-Кесаря; мы думали, что его славою, его душой человечество расцветет новой жизнью. Верх желаний наших был тогда тот, чтоб быть в числе простых рядовых под его знаменами. Но не мы одни так думали, и не мы одни к этому стремились. Кто от зари жизни ознакомился с ... героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом. Но Наполеон сваял с умов очарование, навеянное на них Бонапартом».³

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...»

Отставной полковник артиллерии Российской Императорской армии Тучков был вовлечен в круговорот событий и даже... Вновь цитируем С.Н.Глинку: «Друг мой был в Париже и в Трибунате в тот самый час, когда пожизненного консула Бонапарта избирали в императоры 28 флореаля 12 года (18 мая 1804 г.). «Казалось, - говорил он, - что трибун Карно выразительную речь свою произнес под сверкающими штыками Наполеона. Туманно и мрачно было его лицо, но голос его гремел небоязненно».⁴ Возможно, для Тучкова в эти минуты и начало развеиваться «очарование, навеянное Бонапартом».

Но вот какое обстоятельство объединяло путешественников из России Василия Львовича Пушкина и Александра Алексеевича Тучкова во время их пребывания в Париже. Оба находились в ожидания развода, но с разными знаками: плюс и минус. Или минус и плюс. Василий Львович уезжал из Москвы в конце апреля 1803 года, можно сказать бежал от неприятностей бракоразводного процесса, который начала его жена Капитолина Михайловна в 1802 году, ссылаясь на незаконную связь мужа. Быть может, он рассчитывал, напитавшись новыми впечатлениями, повстречавшись с новыми людьми, родиться для новой жизни.

Процесс тянулся до 1806 года и, несмотря на все усилия Пушкина и его ходатайства перед князем А. Н. Голицыным, кончился не в его пользу: указом от 22-го июня 1806 г. Синод присудил Василия Львовича «подвергнуть семилетней церковной эпитимии, с отправлением оной чрез 6 месяцев в монастыре, а прочее время – под смотрением его духовного отца», а его жене дал развод с правом выходить замуж.

² В.Л.Пушкин. Стихи. Проза. Письма. –М., 1989. –с. 207.

³ Записки о 1812 годе Сергея Глинки –с. 60- 61.

⁴ Там же.

От решения Московской Духовной Консистории, утвержденного Святейшим Синодом зависело счастье Тучкова. Он надеялся получить, наконец, возможность просить руки женщины, которая безраздельно владела его сердцем.

С большой долей уверенности, полагаясь на архивные источники, можно предположить, что первая встреча Александра Алексеевича с Маргаритой Михайловной Нарышкиной случилась весной 1802 года, когда ее отец Михаил Петрович Нарышкин определял своего сына и ее брата недоросля Кирилла Михайловича на службу. В 12-м полевом артиллерийском батальоне, куда тот был принят юнкером 21 мая 1802 года, служил полковник Тучков 4-й. Радужный московский барин Михайло Петрович несомненно приглашал в дом сослуживцев сына. Жили Нарышкины в то время «за Земляным городом в Басманной части 1 квартала под № 6 в приходе церкви Трех Святителей, что у Красных ворот».⁵ Красная линия участка проходила за земляным валом от Сухаревой башни в направлении Красных ворот (ныне Садово-Спасская улица дом №19, стр. 1). Двор Нарышкиных был невелик, и все постройки жилые и нежилые на нем были деревянные, обшитые и покрытые тесом: господский дом, флигели, каретный сарай. Был сад, посреди которого имелся довольно большой пруд.

Чувство, которое родилось и крепло от встречи к встрече, не могло иметь развития. Маргарита была замужем.

Первым мужем старшей дочери в семье отставного подполковника Михаила Петровича и Варвары Алексеевны Нарышкиных был не заслуженный генерал, как уверяют некоторые биографы, а отставной прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка Павел Михайлович Ласунский. Ей было почти девятнадцать лет, когда был заключен этот брак (31 октября 1798 года). **(До рождения А.С. Пушкина оставалось более полугода)** Он продлился фактически не более полутора лет, а может быть и того меньше. Маргарита Михайловна вернулась в родительский дом, и уже Великим постом в 1800 году была у Причастия в своей приходской Трехсвятительской церкви, что у Красных ворот, а затем еще в течение трех лет в исповедных ведомостях и метрических записях о ней писали как о «госпоже Ласунской».

Расторгнуть брак было непросто. В июле 1803 года в Московской Духовной Консистории слушалось дело «о разводе отставного гвардии Измайловского полку прапорщика Павла Михайлова сына Ласунского с женою его Маргаритой Михайловой дочерью Нарышкиной, за чиненное им от нее с девкою Дарьею Алексеевою прелюбодеяние».⁶ Причиной развода стала супружеская неверность Ласунского, истицей выступала Маргарита Михайловна.

Находиться рядом и не быть вместе, было мучительно для обоих. Александр Алексеевич, выйдя в отставку, отправился в Европу, в Париж, где мы его и застали в начале нашего рассказа.

Может быть, он даже хотел забыть ее? Нет, напрасно! Все парижские лужайки были покрыты простыми мелкими цветочками – маргаритками. И на бумагу невольно ложились полные любви и нежности строки о Прекрасной Маргарите, владеющей его сердцем.

*Qui tient mon coeur et qui l'agite,
C'est la charmante Marguerite.*

⁵ ЦИАМ. Ф. 105, оп.1, д. 750, л.д. 1 и д. 1801, л.д. 1.

⁶ ЦИАМ, 105, оп. 1, д. 4032, Л.д. 1.

Кто владеет моим сердцем и кто волнует его?

Прекрасная Маргарита.

Эти строки упрощаются в первых жизнеописаниях Тучковой.

Осенью 1804 года, Маргарита Михайловна стала свободна от брачных уз. Виновным, конечно, был признан Ласунский, а она получила право вновь выйти замуж. Надо полагать, едва узнав о совершившемся разводе, Тучков вернулся в Москву. В ноябре вновь был принят на службу с назначением адъютантом к Московскому военному губернатору генералу от инфантерии Беклешову и состоять по армии. В январе 1805 года Беклешов обращался к императору: «Находящийся при мне адъютантом, состоящий по армии полковник Тучков 4-й, приняв намерение жениться на дочери отставного подполковника Нарышкина девице Маргарите просит на то позволения».⁷

Прочитируем вновь записки Сергея Николаевича Глинки: «... возвратился из Парижа друг мой, Александр Алексеевич Тучков, куда ездил он для рассеяния душевной тоски; но отрада ожидала его в Москве. Вскоре он стал супругом той, которая все пережила, кроме любви к нему. Но какой очаровательной жизнью цвели тогда сердца молодых супругов! И как они были достойны друг друга! Тогдашний московский большой свет украшался супругой Тучкова. Щедрыми наделила природа дарами А.А.Тучкова. Он был красавец, душа чистая, ясная, возвышенная. Ум его обогащен был глубочайшими познаниями».⁸

Свадьба Маргариты Михайловны Нарышкиной и Александра Алексеевича Тучкова состоялась в 1805 году. Их обвенчали на Красную горку 16 апреля в московской церкви Всех святых что на Валу.⁹ Начался тот период, о котором Маргарита Михайловна говорила впоследствии: «Я была счастлива мужем и детьми».

29 августа 1805 года полковник Тучков получил назначение в Муромский мушкетерский полк.¹⁰ Время было мирное, поэтому ничего героического в том, что Маргарита Михайловна отправилась вместе с мужем к месту назначения в Лифляндскую губернию не было. Архивное подтверждение тому, что она была при армии, удалось найти в метрической книге церкви Трех святителей, что у Красных ворот. «1 июня 1806 г. в доме господина от армии подполковника Михайлы Петровича Нарышкина дочь его приехавшая из армий господина полковника Александра Алексеевича Тучкова супруга Маргарита Михайловна Тучкова родила младенца мертвого мужеска полу».¹¹

Сопроводить жену в Москву сам Тучков не мог, только в августе 1806-го он, находясь в Риге, «имея крайнюю необходимость быть в городах Санкт-Петербурге и Москве» просился в отпуск на два месяца с половиной,¹² но был уволен 14 сентября лишь на 28 дней.

Отсутствие упоминания о Маргарите Михайловне в исповедных ведомостях Трехсвятительской церкви за 1806 и 1807 год заставляет думать, что по окончании

⁷ РГВИА, Ф. 26, оп. 1, д. 266. Донесения императору 1805 г. с 11 по 17 января. Л.д. 417.

⁸ Глинка С.Н. Записки. – Захарово-Москва, 1836. – с 230-231

⁹ ЦИАМ, Ф. 203. Оп. 745, д. 149 (ч.8) Л.д. 308. Ведомость именная учиненная Пречистенского сорока церкви Всех Святых, что на Валу священником Иоанном Григорьевым с причетниками. 1805 год

¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1805 г. № 71 5 сентября 1805 г. – с. 830

¹¹ ЦИАМ. Ф. 2126, оп.1., д. 766. Метрическая книга Трехсвятительской у Красных ворот церкви Сретенского сорока с 1799 по 1806 гг. л.д. 153 об.

¹² РГВИА, Ф. 26, оп. 1/152, д. 320. Донесения Императору 1806 г. л.д.156, 170; Санкт-Петербургские ведомости 1806 г. № 77, 25 сентября, С. 868.

отпуска мужа она вернулась с ним в место нахождения полка. 3 декабря 1806 Тучкова назначили шефом Ревельского мушкетерского полка. Значит в течение 1807 года, т. е. во время боевых действий она могла находиться при армии. 13 января 1808 года Тучков получил очередной отпуск на 28 дней.¹³ На сей раз, надо думать, он сам привез беременную жену в Москву в дом ее родителей в Басманной части. Там 29 июля 1808 года у Тучковых родился сын Михаил. Количество восприемников, бывших при его крещении дает повод представить, каким праздником для семьи было появление на свет этого младенца. «Восприемниками были господа генерал-майор Алексей Алексеевич Тучков, другой Его сиятельство князь Павел Михайлович Волконский, третий действительный камергер Павел Петрович Нарышкин, восприемницами были госпожи означенного господина Михайла Петровича Нарышкина супруга Варвара Алексеевна, другая дочь их девица Варвара Михайловна Нарышкина, третья майорская дочь девица Анна Фабиановна Плебен».¹⁴

Александр Алексеевич смог увидеть сына уже девяти- или десятимесячным, когда Маргарита Михайловна получила разрешение ехать к мужу в новоприобретенную Финляндию.¹⁵ 3 апреля 1809 года, находясь в Петербурге, Тучкова обратилась к А.А. Аракчееву: «В надежде на хорошее расположение Вашего Сиятельства к отцу моему беру на себя смелость утруждать вас покорнейшею моею просьбою. Не видясь с мужем моим другой уже год, желала бы испросить дозволения ехать, хотя на короткое время, где он находится»¹⁶. Через четыре дня просительнице был послан положительный ответ: «Его Императорское Величество, снисходя на желание вашего превосходительства Высочайше позволяет вам отправиться к супругу вашему, находящемуся в Новоприобретенной Финляндии».¹⁷

Военные действия в Финляндии к тому времени практически закончились. В присутствии императора Александра I уже была отпразднована победа в Борго, Або, Гельсингфорсе. Русские войска на некоторое время оставались на финской территории, и магистратам финских городов предписывалось выделять квартиры господам офицерам и генералам. В частности, женатым генерал-майорам полагалось четыре покоя и коляска.¹⁸

Генеральша Тучкова отправилась в неблизкий путь из Петербурга до Выборга, а оттуда еще около 400 верст до Або (ныне Турку) по Высочайшему позволению, получив, как и положено, подорожную. И отправилась она не одна. С ней был сын Михаил. В Або Мишо, так звали мальчика в семье, умер.

«Пожалейте меня, я так несчастна, потеряв моего Мишо, что не могу более оценить счастья быть рядом с Александром. Я пала духом.» и «Маргарита очень несчастна. Приезжайте ее утешить ... Приезжайте же оплакать с нами нашего Мишо. Маргарита, которую я люблю как никогда, остается безутешной»,¹⁹ - писали супруги Тучковы из Або к мадам Терезе Бувье, более известной как гувернантка их третьего сына

¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1808 г. № 7, 24 января 1808. – с.74

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 2126, оп.1., д. 774. Метрическая книга Трехсвятительской у Красных ворот церкви Сретенского сорока с 1807 по 1812 гг. л.д. 45 об.

¹⁵ РГВИА. Ф. 26, оп.1/52, д. 432, Сообщения (на имя военного министра графа Аракчеева) 1809 года с 1 апреля по 1 мая. л.д. 146.

¹⁶ РГВИА. Ф. 26, оп.1/52, д. 432, л.д. 146.

¹⁷ РГВИА, ф. 29, оп. 1/153, д. 92. Исходящий журнал (повелений (?) военного министра. Л. 227 об.

¹⁸ РГВИА. Ф. 1019, оп.1, д. 1, л.д. 54-56 об.

¹⁹ НИОР РГБ, ф. 178, картон 8564, д. 44.

Николая. Он родился 6 апреля 1811 года в одной из западных губерний России. Из отпущенных семи лет супружества Тучковым оставалось быть вместе чуть более одного года.

(Дядя Василий Львович хлопотал в это время об определении отрока А.С. Пушкина в Царскосельский лицей)

В те «дни счастья» Маргарите Михайловне в тонком сне явилось страшное пророчество. «*Топ sort finira à Borodino*», услышала она по-французски. «Твоя участь решится в Бородине». «Где Бородино? - спросила она мужа, - тебя убьют в Бородине!» Кто мог знать тогда, что у найденного Тучковыми на карте, мало кому известного подмосковного села Бородино 26 августа 1812 года сойдется в общей сложности четверть миллиона солдат из России и разных стран Европы. Что восемьдесят тысяч человек, также в общей сложности, будет выведено из строя в ходе 15-часовой кровавой сечи. Что списки жертв, будут включать в себя и самое дорогое для Маргариты Михайловны имя.

Наступил 1812 год, и роковое Бородино случилось ...

(«Вы помните, текла за ратью рать. – Со старшими мы братьями прощались. – И в сень наук с досадой возвращались, – Завидую тому, кто умирать, шел мимо нас...»), - вспоминал лицейские годы А.С. Пушкин)

21 августа 1812-го в Главном штабе М.И. Кутузова была составлена «Диспозиция войскам 1-й и 2-й Западных армий на 22 августа для перехода к селу Бородину»,²⁰ где определено было быть Главной квартире, и должно было состояться генеральному сражению. «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в двенадцати верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желая, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе»,²¹ - написал русский главнокомандующий императору Александру I.

Бородино. Это название никому из более чем стотысячной русской армии ничего не говорило. Кроме одного человека. Генерал-майор Александр Алексеевич Тучков 4-й, наверное, вспоминал карту западных губерний России, на которой он за несколько месяцев перед тем вместе с женой искал Бородино. И вот оно было впереди в десяти с половиной верстах по Новой Смоленской дороге, на самой границе Московской губернии.

Через пять дней на укреплениях левого фланга, когда «Настала минута идти вперед, Тучков крикнул, обращаясь к своему полку: «Ребята, вперед!» Полк дрогнул. «Вы дрогнули! – вскричал он, - я пойду один!» Схватив знамя, он бросился вперед, и ... пал жертвой смерти. Когда роковая картечь поразила его в грудь, адъютант и рядовые подхватили его. Ужасный намет ядер посыпался на них и раздробил труп Тучкова; тут был убит адъютант и множество рядовых врыты были ядрами в землю».²²

На Бородинское поле, представлявшее собой кладбище без гробов, безутешная вдова генерала Александра Алексеевича Тучкова приехала через два месяца после битвы с целью найти тело мужа. Увы, поиски были безрезультатны.

Ей понадобился не один год, чтобы как-то свыкнуться со своим горем и, наконец, в сентябре 1816 года обратиться к императору Александру I: «Потеряв обожаемого мною супруга на поле чести, я не имела даже утешения найти остатки его. Сия мысль

²⁰ Бородино. Документы, письма, воспоминания. – М., 1962. –с. 56.

²¹ Там же. –с. 64.

²² Глинка С.Н. Указ сочинение.

беспреданно умножает настоящую причину терзания моего, и ни в чем другом отрады не нахожу как в предприятии соорудить храм на том священном для меня месте, где пал супруг мой. Но я своих денег более не имею как десять тысяч рублей, чтоб собрать сию сумму я отказывала себе нужное, доказательством тому служит то, что я живу под соломенным кровом и не имею нигде другого собственного пристанища. Число денег моих столь малозначительно, что если Ваше Императорское Величество, не подаст мне руку помощи, я должна буду с прискорбием оставить намерение мое ...»²³.

«Горестный обет сердца» безутешной бородинской вдовы нашел отклик в сердце монарха. Александр I распорядился о выделении Тучковой на постройку храма 10 000 рублей, что составило половину требуемой для строительства суммы.

Бывший дивизионный начальник Тучкова, к тому времени уже военный министр России Петр Петрович Коновницын помог Маргарите Михайловне с поиском на Бородинском поле места, «где несчастье смерти постигло Александра Алексеевича».

«Надобно только сыскать деревню Семеновскую, с коей, спустясь в лощину, подняться на высоты довольно высокие, тут должны быть видны три еще наши батареи, где он, их своею бригадою заняв, пал мертв и запечатлел тем любовь к Отечеству», - прочла она в его письме от 10 января 1817 года. **(Через полгода А.С. Пушкин был выпущен из лицея в чине коллежского секретаря)** Хлопоты с покупкой земли у местных помещиков заняли целый год. Зато в Московской Духовной Консистории дело было решено довольно-таки быстро. Генеральше Тучковой дозволили построить каменную церковь во имя Христа Спасителя, «с тем, чтобы она церковь числилась приделом Рождественской церкви, что в селе Бородине, и оной церкви священником с причтом совершаемо было в ней по покойном господине Тучкове поминовение».

Можно говорить, что останки храброго генерала Тучкова стали своеобразным краеугольным камнем храма, построенного его вдовой на месте, где он «пал мертв и запечатлел тем любовь к Отечеству».

Небольшая церковь, сооруженная по проекту знаменитого Доменико Жилярди, была освящена в честь полковой иконы Ревельского пехотного полка Спас Нерукотворный в восьмую годовщину битвы. Надгробием в виде креста из белого мрамора обозначилась слева от входа символическая могила «воина Александра, на брани убиенного». Справа от входа обустроили помещение склепа, в котором полагала упокоиться в будущем сама храмоздательница. Но через шесть лет 22 октября 1826 года в склеп был опущен гроб с телом ее пятнадцатилетнего сына Николая. **(За месяц до этого А.С. Пушкин вернулся из ссылки в Михайловском и был встречен дядей в его доме на Старой Басманной)** День его погребения стал днем, когда Маргарита Михайловна приняла решение навсегда остаться на поле сражения, в Бородине, где так страшно решилась и продолжала решаться ее участь. Она поселилась в небольшом домике-сторожке прямо напротив храма с дорогами ее сердцу могилами. И еще через семь лет в 1833-м оказалась в роли настоятельницы образовавшейся вокруг Спасовой церкви небольшой женской Богоугодной пустыни, преобразованной 1 января 1838 года в Спасо-Бородинский общежительный монастырь. **(В 1833 году А.С. Пушкин вернулся из Болдина, к 1 января 1838 г. он уже почти год был за гробовой доской)**

«Не знаю сама, как составила около меня община: добрые люди стали приходить и селиться, а я не имела духа им отказывать; сестры занялись молитвою и рукодельем для

²³ РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 2396, л.д. 2.

своего пропитания, и я разделяла с ними то, что имела от щедрот Монарших, и то, что приобрела от продажи моего малого имения»,²⁴ - рассказывала она одному из многочисленных посетителей поля битвы.

Тихое и размеренное течение жизни насельниц Бородинской пустыни нарушалось раз в год в памятный день 26 августа, когда в обители собиралось особенно много богомольцев. По приглашению Тучковой духовенство Можайска и окрестных сел съезжалось в Бородино для совершения крестного хода, который с каждым годом приобретал все больший размах и, наконец, вошел в традицию.

Молитва о вождях и воинах «на поле брани живот свой положивших» творилась ежедневно. Именно это молитву, надо полагать, имел в виду император Николай I, когда 26 августа 1839 года при совершении чина освящения Бородинского памятника представлял бородинскую настоятельницу своей свите: «Вот почтенная вдова храброго генерала Тучкова, которая воздвигла памятник неподражаемый!»

Без малого через год после Бородинских торжеств совершилось пострижение Тучковой в мантию. Местом для большого пострига был избран Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры. «Приближается время моего пострижения, место избрано в Лавре, для избежания многолюдства», - писала она в свой монастырь.

Мы имеем возможность узнать от самой Тучковой о происходившем 175 лет назад. Вот как описывала она обряд пострижения: «Все совершилось! Владыка Отец мой снял волосы с главы моей, пострижение было 28-го июня во время всенощной на день Святых Апостол. Собор был освещен как следует в день праздничный. Митрополит сам служил. Три раза я была расprostерта на земли крестообразно во все время лежа до окончания Объятия Отча, повторяемое при каждом долулегании. Владыка был тронут до слез, которые останавливали Его речи. В соборе у раки Святаго Угодника, при множестве поклонников, и прочих, я не могу описать, моего душевного состояния, особенно когда после окончания Владыка взял меня за руку и привел к Святому Преподоб[ному] Сергию, которому нежным словом препоручил меня!!!

После целования святых мощей, я пала в ноги Отцу-Владыке – и осталась на всю ночь в соборе в одной свитке и на босу ногу как была.

На другой день меня посвятили в Игумении, и посвящали, как диакона Повели, повели, и Аксиос акциос! – Подавала блюдо для омовения и полотенце на плеча обыкновенно, посох дали и все тут – Паси овцы моя! О, Боже! Мне ли пасти! Сестры монастыря, сестры старшия, я у ног ваших, обымите меня, сестры младшия, любите любящую вас всех!»

Святитель Филарет, слышавший, как и многие его современники, Глас Божий в схожих со Священной историей происшестввах памятного 1812 года, угадывал Его и в переплетениях нелегкой судьбы бородинской отшельницы. Понимая предызбранность Тучковой, он выделял ее среди других. Пострижение было приурочено к празднованию памяти первоверховных апостолов Петра и Павла. Будущую игуменью Бородинского поля владыка «поручил» не простому старцу-наставнику, а преподобному Сергию, игумену земли Русской. Возведение матушки в сан игумении состоялось по древнему чину дьяконисс, который святитель Филарет намеревался возродить в Русской церкви, и она

²⁴ Муравьев А.Н. Бородино. –М., 1849

была первой рукоположенной таким образом. И, наконец, он нарек ее Марией. Если бы не маленькое письмо, сохранившееся в музейном фонде, мы никогда бы не узнали, Кто стал небесным покровителем новопостриженной. Для нее самой выбор Покровительницы, сделанный владыкой, стал неожиданным. Подписываясь первый раз в письме к сестрам своей обители новым именем, матушка запнулась, написав «Мар...». Потом, собравшись духом, закончила «Мария – ибо в честь Божия Матере».

Но, как и положено доброму монаху, осознавая себя недостойной и сокрушаясь о своих грехах, перечисление которых можно найти в ее переписке со святыми отцами, настоятельница Спасо-Бородинского монастыря зачастую подписывалась «Мария грешная».

Игуменья Мария скончалась среди пасхальных песнопений 29 апреля 1852 года на 73-м году жизни. Незадолго до кончины она сожгла всю свою переписку с «обожаемым супругом». Среди бумаг, которые поглотил огонь, было и адресованное ей 49 лет назад письмо из Парижа со стихотворением, в котором рефреном повторялись строки:

*Qui tient mon coeur et qui l'agite,
C'est la charmante Marguerite.*

Надежда когда-либо отыскать стихотворные строки в полном объеме, даже не зарождалась в душе исследователя.

Однако, они были обнаружены.

В год двухсотлетнего юбилея Отечественной войны в журнале «Наше наследие» появилась публикация сотрудников Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) Л.Н. Бодровой и А. Евстигнеевой, обнаруживших в фонде Алексея Алексеевича Тучкова альбом, принадлежавший М.М.Тучковой, который заполнялся ею и разными лицами на протяжении более 30 лет. А.А.Тучков (1799–1878) – племянник мужа М.М.Тучковой. Альбом был передан на государственное хранение правнучкой старшего брата А.А.Тучкова 4-го – Алексея (Тучкова 2-го; 1766–1853), детской писательницей Екатериной Александровной Тучковой и с 1941 года находится в архиве. Юбилейная дата стала поводом для пристального изучения документа, не замедлили явиться открытия, об одном из которых, по нашему мнению, самом невероятном, и пойдет речь.

Среди авторов, представленных в альбоме Тучковой, немецкий композитор, пианист, поэт Август Генрих *Вейраух* (*Вайраух, Weyrauch*) (1788-1865). О нем известно следующее: окончил курс в Дерптском университете; в 1820 г. преподавал в нем немецкий язык. В Риге и Дерпте выступал как пианист, давал уроки игры на фортепьяно, был знаком с В.А.Жуковским. В 1827 г. переехал в Германию; с 1840 г. жил в Дрездене. Сочинял фортепьянные пьесы и песни.

В 1820 и в 1822–1824 годах Тучкова с сыном, которому докторами был рекомендован морской воздух, также жила в Дерпте. Это подтверждают датированные записи в альбоме. Можно предположить, что романс был написан композитором по ее просьбе, и нотная рукопись включена в альбом. Более того, в альбоме приводится полный текст стихотворения, состоящий из четырех строф.

Сомнения в авторстве стихотворного текста романса на французском языке практически отсутствуют. Он принадлежит А.А.Тучкову, сравнивающему свою возлюбленную с различными цветами в роскошном саду богини Флоры и отдающему сердце всегда и только Прекрасной Маргарите!

"Кого-то пышной Розы алый цвет пленяет,

Что ж, поскорей её себе в букет возьмите.
А для меня другой цветок благоухает.
Я сердце и любовь отдам
Прекрасной Маргарите!

Пусть чей-то ум затмит красавица Лилея,
Что ж, вы её в своих стихах хвалите.
Но сберегу навек простой цветок в душе я.
И сердце, и любовь отдам
Прекрасной Маргарите!

Фиалки скромной ароматом дышит полночь,
Ну что ж, её вы в свой венок вплетите.
Я знаю, счастьем жизнь мою иной цветок заполнит.
Всё сердце, всю любовь отдам
Прекрасной Маргарите!

Среди гуляющих в садах богини Флоры,
Я буду тот, кого глаза закрыты.
Лишь на единственный цветок направлю взоры
И сердце положу к ногам
Прекрасной Маргариты!"